

Перед Вами мои работы...

Не пытайтесь примерить к ним каждодневные одежды яви. Это мой мир, моя сказка, мой вымысел. И то, что обыденно в этом мире, недопустимо в том, созданном мной, и странности того мира не измеряйте нормой привычного нам. Как всякий вымысел, мой впитал в себя черты реально существующего – и чайник назовем чайником, стул – стулом, но не бросайте ради этого мою сказку в провинцию к натуре. Мой стул не будет стоять, чайник не наполнишь водой. Эти вещи лишены утилитарности, лишены своей будничной сущности. Они призваны мной участвовать в действе, их форму я наполнил новым содержанием. Мои работы – моя азбука.

Останавливая взгляд, удивляясь, любуясь закатом и ржавым гвоздем, перевожу запомнившиеся в свои символы, свою азбуку. Иероглифы складываются в понятия, рисуют картину моих мироощущений. Это мой путь, я выбрал его. Туго натянутая нить, две противоположности по сторонам. Иду, черпая силы из них, соединяя их, отказываясь от них. Иду по нити между восточным символизмом и западной «изобразительностью», между декоративизмом и валерной живописью, между монохромией и многоцветием, между реализмом и беспредметным искусством. Иду соединяя их идеи, но не реставрируя их суть. Иду, или стараюсь идти. Это мой путь, моя сказка, мой способ выжить.

Олег Прусов

Олег Прусов... В истории витебского искусства конца XX века, пожалуй, невозможно найти более цельную и яркую фигуру художника, мировосприятие которого так выразительно и поэтически многопланово раскрылось бы сразу в нескольких видах искусства – в живописи, графике, поэзии и прозе. 1990-е годы – период его творчества – были далеко не самым благоприятным временем для изысканной философии этого молодого художника, утончённой поэтики его мировосприятия и, тем не менее, на выставки объединения «Убикус», в котором Олег Прусов вместе с В. Лосьминским экспонировал свои работы, стояли очереди, а по рукам ходили ещё нигде не опубликованные, переписанные от руки стихи Олега. Он смог отразить в своих работах тот мир, в котором пытался выжить, в полном смысле этого слова, сохраняя в душе эту уникальную способность – верить в великую силу человеческих мыслей и чувств. Живописные произведения О. Прусова буквально пронизаны поэтическими метафорами, каждая из которых являет нам яркие и неординарные образы. Архетипы поэтического мира, представленные в его графических миниатюрах, также наполнены глубоким смыслом и эмоционально очень выразительны.

Данная выставка – одна из первых за последние более чем двадцать лет, в которой живописные и графические произведения художника представлены в максимально возможном объёме, стала возможной благодаря активной работе куратора этого проекта – Станислава Прусова, племянника художника.

Михась Цыбульский,
кандидат искусствоведения

ГУ «Картинная галерея Г.Х. Ващенко»
г. Гомель, ул. Карповича, 4

ОЛЕГ ПРУСОВ
(1970 – 1996)

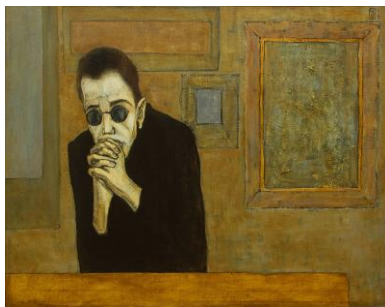
www.prusovsite.ru

#month_ai

30.10.2019 г.

Продавец зимних туманов, 1992.

Похититель идей, 1994
/серия: великие завоеватели/

Пьяницы, 1995,
/серия: пьяницы/

По вопросам организации экспозиции обращаться:
Прусов С. Г. +375-29-713-78-12 Prusovstas@mail.ru

Живопись, представленная на выставке:

1. Красный сервиз, 1989, холст, масло, 102,5x61.
2. Победитель, 1990, холст, масло, 92x80.
3. Натюрморт с синим бокалом, 1990, холст, масло, 100x75.
4. Натюрморт с полосатым кувшином, 1991, холст, масло, 52x57.
5. Третий источник света, 1991, холст, масло, 98x71,5.
6. День рыжей синицы, 1991, холст, масло, 97x67.
7. Ценитель изяществ, 1991, фанера, масло, 38x58.
8. Прошедшему дню, 1992, холст, масло, 90x140.
9. Анастасия, 1992, холст, масло, 110x69.
10. Чудеса всегда должны сбываться, 1992, холст, масло, 100x82.
11. Натюрморт с черным апельсином, 1992, холст, масло, 56x56.
12. Pissolo bambino (Одиночество вдвоем), 1992, холст, масло, 70x100.
13. Безымянный стул (безумный стул), 1993, холст, масло, 80x60.
14. Пятница ли суббота, 1993, холст, масло, 89x78.
15. История белого облака, 1993, холст, масло, 69x51.
16. Последние короли, 1993, холст, масло, 100x80.
17. Вечерняя рапсодия, 1993, холст, масло, 80x100.
18. Слепая, 1993, холст, масло, 65x44.
19. Пьяница, 1993, холст, масло, 110x80.
20. Малиновое варенье, 1993, холст, масло, 80x100.
21. Хранитель города, 1993, холст, масло, 69x94.
22. Желтый натюрморт, 1993, холст, масло, 80x60.
23. Портрет несносной Илоны, 1993, холст, масло, 105x71.
24. Автопортрет с чужими глазами, 1994, картон, масло, 78x58.
25. Подарок ко дню рождения, 1994, холст, масло, 110x70.
26. В ночь на воскресенье, 1994, холст, масло, 43x61.
27. Портрет зеленых ножниц /серия: Великие завоеватели/, 1994, холст, масло, 110x70.
28. Похититель идей /серия: Великие завоеватели/, 1994, холст, масло, 80x100.
29. Победитель настурций /серия: Великие завоеватели/, 1994, холст, масло, 100x80.
30. Троица, 1994, холст, масло, 90x110.
31. Ребенок, 1994, холст, масло, 85x105.
32. Пьяница. Музыкант, 1995, холст, масло, 70x100.
33. Человек без времени, 1995, холст, масло, 100x80.
34. Пьяница. Циник, 1995, холст, масло, 105x70.
35. Мужчина и женщина, 1995, холст, масло, 78x109.
36. Пьяница. Друг, 1995, холст, масло, 98x78.
37. Чашка холодного чая, 1995, холст, масло, 98,5x78,5.
38. Хозяйка (звезда) парного молока, 1996, холст, масло, 70x110.
39. Моя работа, 1996, холст, масло, 110x80.
40. Портрет Бенджамина, 1996, холст, масло, 78x98.
41. Кресло императора, 1996, холст, масло, 78x99.
42. Палач и жертва, 1996, холст, масло, 57,5x82.
43. Укротительница пчёл /серия: Великие завоеватели/, 1994, холст, масло, 100x80.
44. Король шутов /серия: Великие завоеватели/, 1989, холст, масло, 75x56.
45. Белый натюрморт, 1994, холст, масло, 100x70.

Графика, представленная на выставке:

1. Звездочеты. Серия: влюбленные. Бумага, тушь, 32x22, 1995.
2. Чашка хорошего кофе. Серия: влюбленные. Бумага, тушь, 30x25, 1995.
3. Сфинксы. Серия: влюбленные. Бумага, тушь, 21x25, 1994.
4. Влюбленные. Серия: влюбленные. Бумага, тушь, 23x12, 1993.
5. Бескрылый ангел. Серия: ангелы. Бумага, тушь, 30x5,5, 1995.
6. Ангел благого молчания. Серия: ангелы. Бумага, тушь, 29,5x17, 1993.
7. Дежурный ангел. Серия: ангелы. Бумага, тушь, 18x24,5, 1992.
8. Ангел смерти. Серия: ангелы. Бумага, тушь, 21,5x16, 1991.
9. Один из братьев. Серия: мудрецы. Бумага, тушь, 29,5x18, 1992.
10. Мудрецы. Мечтатель. Серия: мудрецы. Бумага, тушь, 18x15, 1990.
11. Мудрецы. Отшельник. Серия: мудрецы. Бумага, тушь, 13x18,5, 1990.
12. Мудрецы. Пилигрим. Серия: мудрецы. Бумага, тушь, 11x7, 1990.
13. Под ногами моими белый снег. Как трудно идти по белому. Серия: мудрецы. Бумага, тушь, 11,5x8, 1990.
14. Говорят, там всегда идут дожди. Бумага, тушь, 29,5x19,5, 1995.
15. Королева. Бумага, тушь, 21x30, 1995.
16. Белые ночи. Бумага, тушь, 27x17, 1994.
17. Вах. Бумага, тушь, 13x8,5, 1994.
18. Голый король. Бумага, тушь, 18x27,5, 1994.
19. Сидящий на камне. Бумага, тушь, 28x18, 1994.
20. Колыбельная. Бумага, тушь, 23x13, 1993.
21. Морской ветер. Бумага, тушь, 26,5x18, 1993.
22. На краю земли. Бумага, тушь, 13x20, 1993.
23. На окраине шумного города. Бумага, тушь, 14,5x13, 1993.
24. Ночь. Бумага, тушь, 13x20, 1993.
25. Я не хочу об этом говорить. Бумага, тушь, 21x13, 1993.
26. Танец одинокого сердца. Бумага, тушь, гуашь, 26x16, 1993.
27. Воспоминания. Бумага, карандаш, 14x20, 1992.
28. Живая вода, мертвая вода. Бумага, карандаш, 19x14, 1992.
29. Каин и Авель. Бумага, тушь, 16x11, 1991.
30. Ветер надежды. Бумага, тушь, 15x23, 1990.
31. Я больше уходить не буду. Бумага, тушь, 20x15, 1990.
32. Одинокая. Бумага, тушь, 24x15, 1990.
33. Соната Весне. Бумага, карандаш, 18x14, 1992.
34. Разгоняющий облака. Бумага, карандаш, 14x20, 1992.
35. Время зимних туманов. Бумага, ручка, 13x12, 1992.
36. Полнолуние. Бумага, тушь, 24,5x18, 1992.
37. Акробаты. Бумага, тушь, 16x21, 1992.
38. Плюшевое одеяло. Бумага, тушь, 24,5x27, 1995.
39. Мудрецы. Поэт. Бумага, карандаш, 17x11, 1992.
40. Полночь. Бумага, тушь, 21x14,5, 1993.

«Душа»

Я вхожу в этот город.
Когда звезды рисуют на небе узоры.
Ключ ношу при себе —
Только им я открою свой дом.

Я здесь не был давно.
Пыль слоями. Задернуты наглухо шторы.
Я сажусь на диван.
Только здесь будет ласковым сон.

Нет, глаза не закрою.
Я двери закрою. Различным
Станет свет за окном
И тот свет, что наполнит мой дом...

Здесь я буду кричать.
Здесь не нужно казаться тактичным.
Здесь никто не осудит меня.
Ни теперь.
Ни потом.

Изогвавшись в миру.
Здесь покаюсь в своих прегрешеньях.
Измотавшись на нет,
Здесь укроюсь крылом доброты.

Пусть же память с надеждою
Будут моим утешеньем...
Хоть сегодня мечта
Пусть достигнет своей высоты.

Вот и ночь пролетела.
Но хочется выдумать повод.
Чтоб остаться еще здесь
На час.
Хоть на десять минут.

Но пора уходить.
До свиданья, мой сказочный город.
Я иду в мир хлопот.
Где без музыки люди живут.

«Я свяжу смерти ноги»

Я свяжу смерти ноги.
Я спрячу тебя в камыши.
Накажу куликам постелить тебе
Свежею пуха перину.
 Попрошу соловья:
До утра, соловей, помолчи.
 Попрошу паука:
Не плети в эту ночь паутину. Обниму я тебя.
Мы не вспомним потерянный Рай.
 Назовут нас потом
Злые люди Адамом и Евой.
Только ты, мой малыш.
Мое солнышко, не умирай.
Ты не плачь, моя милая.
Будет еще наша эра.

«Прошу Вас говорить шёпотом»

Прошу Вас, говорите шепотом,
Шорохом падающих листьев.
Шелестом волн.
Ковш Медведицы
Положите на крышу.

В дом моих глаз.
Входите
И дверь затворите.
А то мотыльками на свет налетят
Глупые мысли.
Будьте хозяйкой здесь.

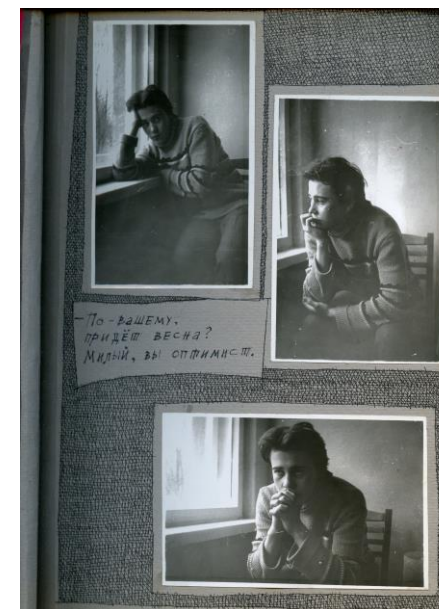
К Вашей руке
Сразу привыкли двери и чашки.
Птицей
В клетке из пальцев Ваших
Я бы желал быть
Сегодня во сне.

«Под ногами моими белый снег...»

Под ногами моими
Белый снег.
Как трудно идти по белому.

«Слушай»

Слушай.
Это в банке
Стонет вода.
Слушай.
Это ухо поймало
Часов часослов.
Слушай.
Нитку дергает кукла:
— Играйся со мной!
Видишь,
Лист бумаги
Вобрал в себя
Новую жизнь.
Помни —
Я люблю рассказ
Человеческих глаз.
Поздний вечер.
Ноябрь.
За окнами
Сам себя мучает дождь.
Говори.
Говори со мной...

Поиск образа, воплотившегося
в работе «Похититель идей», 1994 г.

«Дуэль»

Дуэль между мной и моим отражением в зеркале состоится сегодня. Я всё продумал. Я отойду на пять шагов назад — правда, для этого придётся снять зеркало со стены и перенести в прихожую, ведь в комнате я не смогу сделать пять шагов — так вот, я отойду на пять шагов, и, тем самым, между нами станет расстояние в десять шагов. Я подниму револьвер; тому, в зеркале, не останется выбора; даже если он струсит — в чём я ни на миг не сомневаюсь — он вынужден будет поднять револьвер. Я усмехнусь ему в лицо — жалкий комедиант, он тоже попытается усмехнуться. Я знаю, он слабый человек.

Он всю жизнь искал пример для подражания. Он ненавидит меня, но что он может сделать — он и боготворит меня. Он копирует каждый мой жест, мою походку, мой взгляд; он пытается понять, в чём тайна моей уверенности в себе. Он ничего не умеет сам. Я накажу его. Я предоставлю ему право первого выстрела. Уж я позабавлюсь, глядя на его растерянное лицо. Он растеряется, это безусловно, он выкатит глаза и зашлёпает губами, он будет жалок и нелеп. Без меня он не сможет даже выстрелить. А я, быть может, повернусь к нему спиной.

Вообще-то, мы братья-близнецы. Я старше. На час. Рассказывали, что через час после моего рождения отец поднёс меня к зеркалу и сказал: «Вот, погляди, какие мы». И тогда родился он. Мы росли вместе. У нас были одинаковые рубашки и одинаковые причёски. Шишки мы набивали себе одновременно.

Я видел его почти каждый день. Он надоел мне. Даже когда мне было одиноко, его присутствие лишь раздражало меня. Я решил застрелить его. Вызвать на дуэль и застрелить. Да, да, я знаю, вы назовёте меня эгоистом, но мне ужасно хочется пожить наконец одному. Я устал от этого постоянного соглядатая.

Вы не думайте — прежде чем решиться на дуэль, я не раз уговаривал его уйти от меня. Я говорил с ним долго, я основательно доказывал ему все неудобства совместного проживания, я просил его высказать мне свои доводы. Всё тщетно. Он отмачивался. Или начинал паясничать, раскрывая рот и повторяя движения моих губ.

Тогда я попытался обмануть его. Я с шумом перемещался по комнате, всем своим видом показывая, что собираюсь уходить из дома — я знал, этот тип не останется один, он непременно поплетётся следом. Я громко хлопал дверью, я выходил на улицу, я не оборачивался: я был абсолютно уверен — он крадётсЯ сзади. Я шёл в ближайшее кафе и там смотрелся в зеркало. Конечно же, он не отстал от меня. Он нахально щурил глаза и высокомерно приподнимал бровь. Тогда я расплачивался за чашку кофе, брал со столика у входа прошлогодние журналы и громко — так, чтобы слышал этот тип — говорил хозяину, что посижу у него ещё с полчаса. Я проходил мимо зеркала — к тому времени он, видя, что я задержусь, тоже заказывал кофе. Я шёл к столику в углу. Здесь он не мог видеть меня из зеркала. Я ставил на стол чашечку, двигал, словно сажусь, стул, а сам на цыпочках пробирался к выходу.

Оказавшись за дверью, я со всех ног бросался бежать, в надежде, что этот тип не сразу заметит моё отсутствие. Тем временем я буду уже дома, закроюсь на замок и не впущу его. Но он был начеку и не дал провести себя. К тому же, бегаёт он превосходно, ибо, когда я очутился в комнате, он был уже там. Вот только тогда, исчерпав всё возможное, я и решил застрелить его. Впрочем, нет, я забыл. Я пробовал ещё занавешивать зеркало. Но это уж вовсе ребячество. Я ведь прекрасно знал, что он стоит за занавеской. Несколько раз я подкрадывался к зеркалу и всякий раз явственно слышал его дыхание. Пытаясь услышать получше, я переставал дышать сам, и тогда он тоже затаивался. Он, определённо, подслушивал за мной.

Итак, дуэль. Никаких соглядатаев. Я встану на исходную позицию и подниму револьвер. Вот так. Буду целиться ему в лоб. Он тоже целится в меня. Я не боюсь. Я улыбаюсь.левой рукой я развязываю галстук и отбрасываю его в сторону. Он развязывает и отбрасывает тоже. Жалкий комедиант. Ну подожди, я проучу тебя. Из реки разума мой мозг выуживает великолепную идею. Я опускаю револьвер — и этот тип опускает револьвер. Я поднимаю руку снова и подношу оружие к собственному виску. Конечно, он делает то же самое. Господи, этот тип настолько глуп, что даже не удосуживается подумать о своих действиях.

Вот сейчас он держит револьвер у виска и не подозревает, какой смертельной опасности я его подвергаю. Ведь нажми я на курок, и этот простодушный, не задумываясь, застрелит себя. Сейчас я проучу его. Да, это грандиозно. Полный триумф человека, мыслящего над тупым животным. Сила моего разума сотворит небывалое. Мой враг застрелит себя сам.

Вернисаж выставки «Каменный дождь»
«Арт-пространство М. Шагала, г. Витебск»

Олег Прусов, на фоне своей работы
«Победитель настурций», 1994 г.